

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ

Р.Р. Галлямов

СТРАТИФИКАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ П.А. СОРОКИНА И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

В статье разрабатывается концептуальная модель этносоциальной стратификации, которая, с точки зрения автора, вопреки распространенному мнению, не противоречит стратификационной теории П.А. Сорокина, а дополняет ее. Исходя из авторского анализа основных подходов к определению социальной стратификации, сформировавшихся в зарубежной и отечественной социологии (структурно-институциональная, процессуальная и аксиологическая концепции), в статье предлагается оригинальная дефиниция этносоциальной стратификации общества, рассматриваются ее сущностные и функциональные характеристики.

Одним из самых выдающихся достижений социологического наследия великого русско-американского социолога П.А. Сорокина по праву считается теория социальной стратификации. Начав работать над этой проблемой еще в российский период своего творчества, особенно в таких трудах, как «Проблема социального равенства» (1917) и «Система социологии» (1922), П.А. Сорокин развивает идеи о социальной стратификации общества в новаторской по своему жанру публикации «Социальная мобильность» (1927) уже после окончательного переезда в США. Дальнейшие многочисленные его научные публикации лишь уточняют и дополняют сформулированную именно в этот период стратификационную концепцию.

П.А. Сорокин определял социальную стратификацию как «дифференциацию некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность — в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества» (Сорокин 1992а: 302–303). При этом он подчеркивал, что «конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны», хотя в качестве основных ее типов выделял экономическое, политическое и

профессиональное расслоение общества. При этом в более ранних своих работах, посвященных проблемам социального равенства, П.А. Сорокин отмечал: «...так называемое “национальное” неравенство (понимаемое прежде всего как этническое — Р. Г.) есть лишь частная форма общего социального неравенства», исходя из утверждения, что «национальности как единого социального элемента нет, как нет и специально национальной связи» (Сорокин 1992б: 248–249). Таким образом, П.А. Сорокин считал, что национального (этнического) неравенства не существует в том смысле, что оно «разлагается на иные более простые ограничения» социального порядка. Вместе с тем Сорокин признавал существование разнообразных ограничений по отношению к различным российским этническим группам и, исходя из этого — право этих групп бороться за уравнивание в социальных правах, оговариваясь только по поводу того, что «...как только национальный принцип становится средством угнетения одной группой других групп, мы поворачиваемся к нему спиной, памятуя, что высшая ценность — равноправная человеческая личность» (Сорокин 1992б: 252).

С конца 80-х гг. XX столетия, вслед за «реабилитацией» так называемых западных социологических концепций, в российской науке возрождается интерес к стратификационной теории П.А. Сорокина и его последователей (К. Дэвис, У. Мур, Т. Парсонс и др.). Одновременно начинается изучение этнического аспекта социальной стратификации как в теоретическом смысле, так и с позиций осмысления конкретных форм ее проявления на всем постсоветском пространстве. Анализ исследования феномена этнической стратификации за последнее постперестроечное десятилетие приводит нас к выводу о том, что слабая теоретическая разработанность этой проблемы в отечественной науке вызвана главным образом двумя группами причин. Во-первых, как известно, сам стратификационный подход к анализу социальной структуры, введенный в научный оборот и разработанный П.А. Сорокиным и его последователями, долгое время находился в нашей стране под запретом как «лженаучная теория» и получил академическое признание относительно недавно, с конца 1980-х гг., в связи с освобождением отечественного социологического пространства от идеологических догм и клише советской эпохи.

Во-вторых, объективное теоретическое и эмпирическое изучение этносоциальной стратификации долгое время (вплоть до конца 1980-х гг.) не могло осуществляться в отечественной науке еще и потому, что исследование этнонациональных отношений находилось под жестким партийно-политическим контролем, а главной задачей специалистов-этнологов было, в основном, лишь комментирование и «научное подтверждение» официальных документов по национальному вопросу. Центральной проблемой большинства работ по национальным процессам оставалось, как отмечали руководители социологической науки, «...сближение социальных характеристик различных этнических общностей» (Иванов 1989: 52). Поэтому смысл этносоциальной стратификации, наличие которой в многонациональной стране было бесспорным, исследовался в советской обществоведческой науке без применения самого термина, в рамках изучения «неравномерного социально-экономического развития народов», «социально-культурных

различий и их стирания», «проблем формирования новой исторической общности — советского народа» и т. д.

Всплеск этнонациональной активности населения в большинстве регионов Советского Союза, начавшийся с конца 1980-х гг., вновь поставил перед наукой и практикой проблему этнической стратификации, которая в сложившихся политических условиях стала своеобразной социальной основой стремительно развивающейся межэтнической конфликтности. Стало очевидным, что именно этносоциальная стратификация, в результате общественного осознания многообразных различий в уровне демографического развития, преимущественных сфер занятости, уровня образования, представленности во властных структурах и т. д. различных этнических групп является главной причиной этноконфликтности в отдельных регионах и во всей стране в целом.

Уже в течение последнего десятилетия теоретические исследования проблем этносоциальной стратификации в российской обществоведческой науке привели к формированию нескольких направлений при определении ее сущности. Однако каждое из этих направлений отличается от других только набором стратификационных признаков и придаваемым им доминирующим значением. Например, сыктывкарский исследователь В.И. Ильин в качестве главного статусного индикатора выделяет безопасность и стабильность физического существования представителей этнических групп, уровень жизни, престиж, перспективы социальной мобильности, объем власти, место в общественном разделении труда. Соответственно, при наличии этносоциальной стратификации индивиды, принадлежащие к тому или иному этнополю, оказываются в привилегированном или приниженом положении именно «в силу своей этнической принадлежности» (Ильин 1996: 279). Социологи из Санкт-Петербурга А.О. Бороноев и Н.Г. Скворцов основными и главными факторами этнической стратификации считают количество общественного богатства, власти и престижа (Бороноев 2000: 165). Уфимский профессор Дж. М. Гилязитдинов называет ведущими признаками этнической стратификации «...показатели национально-культурного развития и другие этнические характеристики» (Гилязитдинов 1996: 71–74), не раскрывая при этом смысл этих характеристик.

В 1990-е гг. среди отечественных специалистов завязалась своеобразная дискуссия о соотношении этнической стратификации как одного из важнейших показателей общественного развития и социальной стратификации в целом. Одна группа авторов считает, что этническая стратификация является лишь одной из форм проявления социального расслоения. Другие специалисты (например, А.А. Празаускас) выделяют этническую стратификацию наряду с политической, культурной и узкосоциальной в отдельную группу общественных различий (Национальная политика России 1997:390). Наконец, третья группа исследователей, подчеркивая, что этническая стратификация тесно связана с уровнем экономического, социального и политического развития, считают, что рассматриваемое явление объективно выделяется в самостоятельный феномен общественного развития, имеющий как детерминирующие факторы, так и специфические тенденции развития.

Наш анализ теоретических проблем этнической стратификации также подтверждает вывод о том, что она является самостоятельным процессом социального развития и не может быть сведена к различиям в уровнях экономического, социального, политического развития различных народов. Подчеркивая именно процессуальные, динамические характеристики, а не статусные показатели этносоциальной стратификации, мы считаем, что она определяется взаимодействием двух основных групп тенденций социального развития общества. Во-первых, сам этнос является способом социоприродной адаптации определенного населения к условиям какого-либо ландшафта и климата. Например, уже с эпохи зарождения современного типа цивилизаций существовали народы, занимающиеся преимущественно земледелием (ирригационным, «подсечным» и т. д.). Одновременно зарождались и бурно развивались социокультурные типы, основанные на кочевом скотоводстве. Позднее, с вступлением человечества в индустриально-урбанизационный период, сформировались промышленно-городские этнические культуры, причем значительная часть народов сохранила в качестве преобладающей формы трудовой занятости аграрное производство. В указанном смысле своеобразие и различие этносов, а, следовательно, этническая стратификация неизбежна и уже сама по себе сущностна.

С другой стороны, этническая стратификация уже на следующих этапах эволюции этноса детерминируется факторами, которые задаются объективно-цивилизационными процессами, т. е. явлениями, не зависящими от воли и сознания личности и групп людей: индустриализация, урбанизация, маркетизация, глобализация и т. д. Естественно, что в силу неравномерности исторического развития различные этносы отличаются по степени вовлечения в указанные процессы, а, следовательно, по уровню развитости феномена этнической стратификации. Если говорить о современных примерах подобных различий, достаточно сравнить башкир и русских Башкортостана. Башкиры, по крайней мере в пределах Башкортостана, до сегодняшнего дня и в расселенческом, и в производственном смысле фактически являются аграрно-деревенской этнонацией. Русские же, в подавляющем своем большинстве занятые в индустриальном производстве и проживающие в городах, представляют собой промышленно-городскую этническую группу.

Во-вторых, значительную группу факторов, задающих этническую стратификацию, составляют тенденции социального развития, которые в большей степени зависят от субъективного, самоуправляющего воздействия социума, поддаются социальному регулированию. Это, в первую очередь, различная представленность в органах власти, различный уровень образования, различная этноязыковая компетентность, различный уровень доступа к другим общественным ресурсам и т. д. Данные факторы, в отличие от первой группы, имеющие более объективный характер, находятся в прямой зависимости от принципов организации и функционирования социальных институтов, а поэтому более подвержены социальному регулированию и более конфликтогенны.

Своего рода промежуточной группой социальных различий, формирующих этническую стратификацию, являются социальные показатели нацио-

нально-культурного развития, т. е. уровень потребления духовных богатств, степень развитости современных и традиционных типов культуры и искусства, разнообразие и уровень развития традиций, обычаев, обрядов, уровень адаптированности к модернизированным формам культуры, степень самоидентификации со своим народом и т. д. Несмотря на то, что данная группа социальных показателей этнической стратификации в значительной степени находится под влиянием развитости двух вышеприведенных, она все же обладает относительной самостоятельностью и, что самое главное, трудно сопоставима и измерима. Так, и в культурологическом, и в цивилизационном смысле невозможно сравнивать, что выше по своему художественному уровню: резьба по кости северных народов или картины итальянских художников эпохи Возрождения. В то же время нельзя говорить и о том, что человек какой-то этнической группы, не владеющий языком своего народа, по уровню развития и выраженности национального самосознания всегда ниже, чем его соплеменник, хорошо говорящий на родном языке.

Проведенный нами анализ функционального значения социальной стратификации в отечественной и зарубежной социологии позволил выделить три основных типа дефиниций. Во-первых, это структурно-институциональный подход, при котором стратификация рассматривается либо как структурированное (Гидденс 1999: 154; Асп 2000), либо как институциональное (Дэвис 1992: 198) неравенство между различными социальными стратами. Во-вторых, это подход Н. Смелзера, который мы называем процессуальной концепцией, когда стратификация рассматривается не просто как ранжирование, а как способы сохранения и передачи этого ранжирования от одного поколения к другому (Смелзер 1994: 274). В третьих, выделяется подход, который условно можно назвать аксиологическим, когда в качестве главного функционального показателя стратификации рассматривается не само неравенство и даже не способы его передачи, а социальная оценка этого неравенства обществом и отдельным человеком (Парсонс 1992: 114). Последний показатель приобретает в современных условиях возрастающее значение в связи с тем, что по мере формирования гражданского общества, развития процессов демократизации несправедливое неравенство все больше воспринимается как негативное, требующее преодоления явление, хотя ранее считалось большей частью социума неизбежным злом.

Мы исходим из того, что этносоциальная стратификация — это непрерывно развивающийся процесс, основанный на структурированном и иерархизированном неравенстве этнических групп, способах передачи этого неравенства от одного поколения к другому и его социальной оценки индивидом и обществом в целом. Статусными индикаторами на всех этапах процесса этносоциальной стратификации выступают различные факторы, в том числе такие, как место в общественном разделении труда, доход, уровень жизни, демографические показатели, перспективы социального роста, доступ к власти, а также характеристики физического существования этнических групп. Таким образом, этносоциальная стратификация, на наш взгляд, представляет собой прежде всего процесс эволюции этнического неравенства, а не только это неравенство как таковое.

Из приведенного нами определения хорошо видно, что мы подчеркиваем в первую очередь динамические, процессуальные характеристики этносоциальной стратификации, т. к. даже структурированное неравенство этнических групп относительно достижения тех или иных социальных параметров не может быть постоянным, оно непрерывно эволюционирует, в какой-то части выравнивается, а в какой-то усугубляется. Эволюция эта происходит как под влиянием объективно развивающихся социальных процессов (урбанизация, глобализация и т. д.), так и под воздействием общества как саморегулирующейся системы.

При этом мы считаем, что этническая стратификация имплицитно включает в себя не только этническую иерархию, но и способы воспроизведения этого неравенства, передачи его от одного поколения к другому, а также его восприятие обществом, социальную оценку рассматриваемых этнических различий. Именно осознание, оценка социальной роли неравенства этнических групп в степени доступа к тем или иным социальным ресурсам приобретает в системе этнической стратификации на современном этапе ключевое значение, т. к. является доминирующим фактором потенциальной конфликтности. Как справедливо подчеркивают зарубежные конфликтологи Р. Фишер и У. Юри, «...в конечном счете, причиной конфликта является не объективная реальность, а происходящее в головах людей» (Фишер, Юри 1990: 38). Степень выраженности этносоциальной стратификации зависит даже не от масштабов неравенства этнических групп, а от отношения к этим различиям и от степени толерантности к их восприятию. В то же время, мы считаем, что необходимо отличать этносоциальную стратификацию от этнической. Этническая стратификация задается различием развитости преимущественно собственно этнических показателей народа (культура, язык, традиции и т. д.) и больше характеризует внутренние для данной этнической группы различия. Например, в каждом этносе существуют различные по степени усвоения этнической культуры, владения языком и т. д. группы. Этносоциальная же стратификация формируется главным образом уровнем социальной развитости того или иного этноса (классовая структура, преимущественные сферы занятости, уровень образования и т. д.) и основывается на неравенстве в этом смысле между различными этническими группами, проживающими на одной территории.

В непосредственной связи с проблемой оценочного аспекта этносоциальной стратификации находится такой важный ее статусный индикатор, как безопасность и стабильность физического существования представителей этнических групп (термин В.И. Ильина). В данном случае имеется в виду, конечно, не угроза физического уничтожения человека как такового, а характеристики существования и гармоничного развития этноса как особого полноценного социального организма. Как известно, формирование и развитие этнической общности предполагает наличие исчерпывающего набора определенных характеристик. Сам набор этих характеристик в современной науке является дискуссионной проблемой. Однако, несмотря на все различия в определениях этничности примордиалистских, инструменталистских и конструктивистских концепций, по признанию специалистов, хотя

«...среди ученых нет единства в подходе к определению феномена этничности, но есть некоторые характеристики, свойственные для общностей, которые позволяют считать их этническими или говорить о присутствии этничности как таковой». Поэтому, видимо, вполне возможно выделить исчерпывающий набор показателей, характеризующих что тот или иной этнос находится на достаточном уровне «безопасности и стабильности» (Тишков 2001: 229). Конечно, в зависимости от концептуальной позиции (примордиализм, инструментализм, конструктивизм) этот набор будет отличаться. Но в то же время не вызывает сомнений факт наличия характеристик, являющихся универсальными для признания того, что существованию того или иного этноса угрожает опасность. Это, например, степень этноязыковой и этнокультурной ассимиляции, масштабы утери этнической самоидентификации и т. д.

Однако если исходить из безусловно верного вывода о том, что этнос представляет собой постоянно развивающуюся динамическую общность, а в условиях современной цивилизации эта динамичность многократно возрастает, нельзя не признать того, что набор идентифицирующих признаков этничности постоянно меняется или, во всяком случае, преобразуется с точки зрения иерархии. Как вполне справедливо пишет по этому поводу В.А. Тишков, на современном этапе индустриального и постиндустриального производства, новых «...цивилизационных форм в жизни людей, этничности в ее материализованном виде как бы становится меньше, а национализма (имеется в виду система взглядов и устремлений) — больше» (Тишков 1997:35). Таким образом, и набор индикаторов, определяющих степень «безопасности и стабильности физического существования представителей этнических групп» в системе этносоциальной стратификации должен будет постоянно изменяться, как с точки зрения полноты набора, так и с позиций их иерархического взаимодействия. Очень важную роль в рассмотренном аспекте играет и фактор самоощущения, самовосприятия пределов допустимой безопасности и стабильности. Например, если представители старшего поколения современных нерусских жителей российских городов (особенно в национальных регионах), родившиеся и социализировавшиеся в моноэтнической сельской среде, воспринимают утерю родного языка своими детьми как прямую угрозу своей этничности, то молодежь (т. е. дети этих родителей) считает данный факт не таким значимым, что не мешает им не только декларировать свою этничность, но и реально осознавать себя представителями таковой.

Выше уже отмечалось, что этносоциальная стратификация рассматривается нами прежде всего как процесс, имеющий в значительной степени этническое содержание. В отечественной этнологической литературе из всего многообразия социально-экономических, социально-культурных и других процессов этническими процессами принято считать те, которые относятся к возникновению и изменению (вплоть до полного исчезновения) этнических общностей или их крупных подразделений (Козлов 1999:257). Несмотря на то, что и в русскоязычной, и в зарубежной научной литературе термин «этнические процессы» вплоть до середины XX в. употреблялся мало и отсутствовала его развернутая типологизация, сами этнические процессы под

различными названиями (ассимиляция, консолидация, аккомодация, интеграция и т. д.) признавались и исследовались. В разработанной позже отечественной концепции этнических процессов стало принято их разделять на эволюционные и трансформационные. При этом «...эволюционные процессы выражаются в значительном изменении любого основного признака или компонента этноса, прежде всего — языка и культуры, но не приводят к перемене этнического самосознания <...> к трансформационным этническим признакам относятся такие изменения основных этнических признаков и компонент, которые ведут к перемене этнической принадлежности» (Козлов 1999:260–261). Нам представляется, что этносоциальная стратификация как процесс относится в большей степени к группе трансформационных процессов, хотя и не может быть отнесена к чисто этническим явлениям. Нельзя не заметить и того, что в ходе эволюции социальных различий между этническими группами происходит и некоторая трансформация народов, хотя к изменению этничности она не приводит. В противном случае сама этносоциальная стратификация потеряла бы всякий смысл, т. к. она может проявляться только в различиях, в неравенстве различных этнических групп, обладающих соответствующими показателями, в сравнении их друг с другом.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что стратификационная концепция П.А. Сорокина, вопреки распространенному мнению, не только не отрицает существование модели этносоциальной стратификации в теории, но и способствует исследованию конкретных ее проявлений в практике развития современных обществ. При этом подход П.А. Сорокина к проблематике этничности, находящийся, по-видимому, между инструменталистской и конструктивистской концепциями, оставляет возможным исследование этнической, как и других «конкретных форм социальной стратификации, которые разнообразны и многочисленны» (Сорокин 1992а: 302).

Литература

- Асп Э.К. Введение в социологию. СПб, 2000.
- Бороноев А.О., Скворцов Н.Г. Социология этнических отношений // Социология. Учебное пособие / Под ред. Сальникова В.П., Ковалева Г.Д., Степашина С.В. СПб.: Фонд «Университет», 2000.
- Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Гилязитдинов Дж. М. Этническая стратификация и проблемы ее оптимизации / Вестник Башкирского университета. 1996. № 1.
- Дэвис К. Ответ М. Тьюмену // Социальная стратификация. М., 1992. Вып. I.
- Иванов В.Н. Социология сегодня: опыт и проблемы социологических исследований. М.: Наука, 1989.
- Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917–1996 гг.: опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, Институт социологии РАН, 1996.
- Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М.: Старый сад, 1999.
- Национальная политика России: история и современность. М.: Русский мир, 1997.
- Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации / Социальная стратификация. М., 1992. Вып. I.

- Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. М.: Феникс, 1994.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992а.
- Сорокин П.А. Проблема социального равенства // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992б.
- Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.
- Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001.
- Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражений. М.: Прогресс, 1990.